

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ИХ ДЕРИВАТЫ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ж. МОРИЦА

Направление: «Лингвистика: Иностранные языки:
венгерский язык»

Выпускная квалификационная работа
соискателя на степень бакалавра филологии

Барановой Аллы Геннадьевны

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Колпакова Н. Н.

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Имя собственное с древних времён привлекало внимание мыслителей [Суперанская, Сулова, с. 45–50]. Многие науки и дисциплины занимаются изучением этой категории слов, в том числе и лингвистика. Актуальность исследования имени собственного обуславливается заинтересованностью человека в самом себе. Имя собственное является знаком, а следовательно, оно обладает и определённым значением [Никитин, с. 115]. Вопросы значения онимов вызывают множество дискуссий в лингвистическом мире. Например, некоторые учёные вообще отрицают, что у имени собственного может быть какое-либо значение [Милль, с. 27; Уфимцева, с. 42; Gardiner, с. 73; Vandendorpe, с. 64]. Другие исследователи наделяют имя собственное денотативным значением [Арутюнова, с. 2–5; Никитин, с. 169–170; Падучева, с. 81–82]. В настоящее время имя собственное всё чаще признают полноценным знаком — у которого есть и сигнификат, и денотат не только на уровне речи, но и на уровне языка.

Имена собственные в произведениях художественной литературы часто играют специфическую роль, помогая авторам наиболее реалистично изобразить действительность в свете их идейно-эстетических позиций.

Одной из основных предпосылок реалистичности художественного произведения является соответствие использованных в нём собственных имён закономерностям национальной ономастической системы. Поэтому неудивительно, что многие великие писатели тщательно работали над ономастическим материалом. Удачно выбранное имя становится дополнительным средством характеристики персонажа, усиливает эмоциональное впечатление от всего произведения.

Имена собственные, наделенные богатством и разнообразием коннотаций и ассоциативных связей, становятся неотъемлемыми элементами художественного произведения и актуализируют значительный объём экстралингвистической информации.

В начале 90-х гг. XX в. германист и ономатолог Фридрих Дебус провел уникальный эксперимент. Он разослал сорока немецким литераторам письма-анкеты с просьбой объяснить, как они подбирают имена для героев своих произведений и какие, на их взгляд, функции эти имена выполняют в тексте. Писатели с готовностью откликнулись, и результаты этого опроса нашли отражение в статье [Debus, 1998], а затем и в монографии [Debus, 2002, с. 136–137]. Интересно, что тема безымянности специально не предлагалась литераторам для обсуждения, но она как-то сама собой возникала в ответах. Особенно отмечался стремительный процесс исчезновения имён в литературе XX в., начало которому, по мнению Бруно Хиллебранда, положил Кафка, сокрывший своего героя под аббревиатурой К. [Hillebrandt].

Произведения Жигмонда Морица, однако, изобилуют именами собственными, и их систематизация может определённым образом помочь составить представление об эрудиции, о мировоззрении, о жизненном опыте автора. Для самого Морица имена собственные очень много значили, он даже своих жён и возлюбленных наделял особыми именами-прозвищами (например, свою первую жену, Евгению Холич, он называл Янкой (Janka — «милость Христа»), а приёмную дочь, Эржебет Литкеи, ласково называл Чибе — (Csibe в переводе с венгерского — «курочка, цыплёнок»). Начиная свой творческий путь в качестве представителя писателей-натуралистов и заканчивая его уже будучи реалистом, Мориц «наполняет» свои произведения антропонимами, топонимами, эмпоронимами (названия магазинов) и прочими классами имён собственных, для того чтобы читатель «окунулся» в атмосферу, эпоху и быт, описываемые писателем.

Мориц родился в 1879 году в реформаторской семье в Тисачече (Tiszacsécse, северо-восток Венгрии). Отец, Балинт Мориц (Móricz Bálint), был потомком крепостных, а мать — Эржебет Паллаги (Pallagi Erszébet) — из обедневшего, но древнего дворянского рода.

В 1899–1900 годах Жигмонд Мориц учился в Дебрецене (Debrecen) на теологическом факультете, затем поступил на юридический, в этот период работал помощником редактора в «Дебрецени хирлап» («Debreceni Hírlap»¹). В октябре 1900 года переезжает в Будапешт, где знакомится с Михаем Бабичем (Babits Mihály), Дежё Костолани (Kosztolányi Dezső), Дюлой Юхасом (Juhász Gyula), Арпадом Тотом (Tóth Árpád). В 1902 году работает учителем в кишуйсаллашской гимназии, затем — чиновником в министерстве по делам культов. Высшего образования Мориц так и не получил. В 1903 году по приглашению Кальмана Миксата (Mikszáth Kálmán) становится редактором детской колонки газеты «Уйшаг» («Újság»²). В 1908 году в журнале «Нюгат» («Nyugat»³) вышла его новелла «Семь крейцеров» («Hét krajcár»), что принесло писателю известность.

В период существования Венгерской народной республики (1918–1919) был вице-президентом Академии Вёрёшмарти (Vörösmarty Akadémia). После того как поддерживаемая им Венгерская советская республика пала, писателя исключили из литературного Общества Кишфалуди (a Kisfaludy Társaság), его пьесы были запрещены к постановке в Национальном театре, а работы публиковали только журнал «Нюгат» и газета «Оз эшт» (Az Est⁴).

В 1924 году Мориц знакомится с актрисой Марией Шимони (Simonyi

1

Debreceni Hírlap — «Дебреценская газета» (пер. с венгерского) — периодическое издание. Здесь же в это время работал журналистом и поэт Эндре Ади.

2 Újság — «Новость» (пер. с венгерского) — периодическое издание.

3 Nyugat — «Запад» (пер. с венгерского) — один из самых влиятельных литературных журналов Венгрии 1908-1941гг.

4 Az Est — «Вечер» (пер. с венгерского) — ежедневное издание.

Mária), из-за ревности к которой его жена Евгения Холич (Holics Eugénia) в 1925 году кончает жизнь самоубийством. Однако в сентябре 1936 года спасает от самоубийства девушку по имени Эржебет Литкеи (Littkey Erzsébet), которую позднее удочеряет. Она стала прототипом героини повести «Сиротка» (Árvácska), кроме того, писатель создал 28 новелл о детстве девушки. Из записей в дневнике Морица становится понятно, что она была также любовницей писателя. Скончался Ж. Мориц в 1942 году от инфаркта.

За свою долгую жизнь Мориц часто переезжал: он жил и в Тисачече, и в Прюде (Prügy), и в Туриштванди (Túristvándi), и в Дебрецене (Debrecen), и в Шарошпатаке (Sárospatak), и в Кишуйсаллаше (Kisújszállás), в 1903–1905 регулярно посещал деревни комитата (области) Сатмар (Szatmár megye), собирал там сказки и игры. В 1912 году построил дом в Леаньфалу (Leányfalu), где жил последние годы. Мориц много путешествовал, побывал в Италии и Чехословакии.

И широкий кругозор, и дружба со многими известными личностями, и частые переезды и другие факты и события жизни Морица, несомненно, нашли отражение в его произведениях, в частности в том, что в тексте упоминаются названия совершенно конкретных мест, имена людей и т. д. Наличие большого количества имен в произведениях Морица дает возможность читателю почувствовать себя частью создаваемого автором мира. Произведения писателя глубоко национальны, особенно антропонимам присущ признак национально-языковой принадлежности, именно антропонимы и топонимы погружают читателя в венгерскую среду.

Цель работы — провести системный статистический анализ имён собственных и их дериватов в произведениях Ж. Морица, а также выявить их особенности и своеобразие. Выяснить, почему автор в своих произведениях использует именно эти онимы, какую роль они играют для понимания смысла произведения.

В задачи работы входит:

1. определить диапазон имён собственных путём сплошной выборки из наиболее известных произведений Ж. Морица;
2. систематизировать и проанализировать собранный материал;
3. рассмотреть основные особенности передачи имён собственных на русский язык;
4. выяснить, почему автор в своих произведениях использует именно эти онимы и какую роль они играют для понимания смысла произведения.

Объектом исследования являются венгерские ономастические единицы.

Предмет исследования — имена собственные в произведениях Ж. Морица.

Вопрос о значении имён собственных имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы родного языка. Однако порой весьма существенным элементам их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие барьеры. А без сохранения своего значения имена собственные не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда — возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена [Кузнецова, с. 5–11].

В рамках данной работы у нас нет возможности проанализировать каждое произведение Морица. В поле нашего зрения имена собственные из самых известных романов, пьес и повестей писателя. Мы анализируем произведения разных жанров, поскольку каждый из них по-разному отражает ономастический материал.

В апреле 2017 года мы представили некоторые результаты нашего исследования в докладе на XX Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ.

Глава 1. Проблемы ономастики. Имена собственные как объект лингвистических исследований.

1.1. Ономастика как область исследований.

Изучением имён собственных, историей их возникновения и трансформации в ходе долгосрочного использования в языке-источнике, а также вопросами заимствования их из других языков занимается такой раздел языкознания, как **ономастика** (с древнегреческого — искусство давать имена). Так, предметом изучения ономастики является *оним* (имя собственное) который служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов.

Принято выделять следующие основные направления ономастики:

1. антропонимика (исследует собственные имена людей);
2. астрономимика (изучает названия космических объектов или отдельных небесных светил);
3. зоонимика (занимается именами собственными животных, т. е. кличками);
4. карабонимика (наименования кораблей, катеров и судов);
5. космонимика (анализирует наименования зон космического пространства — созвездий, галактик);
6. прагматонимика (изучает наименования товаров, созданных человеком);
7. теонимика (анализ собственных имён богов и божеств любого пантеона);
8. топонимика (изучает собственные имена географических объектов);
9. эргонимика (изучает наименования деловых объединений людей, т. е. фирм, магазинов, баров, кафе, благотворительных организаций и др.).

Н. В. Подольская выделяет несколько разновидностей ономастики как науки.

1. Поэтическая ономастика — раздел ономастики, изучающий любые

имена собственные (поэтонимы) в художественных литературных произведениях: принципы их создания, стиль, функционирование в тексте, восприятие читателем; а также мировоззрение и эстетические установки автора.

2. Прикладная ономастика — особое направление ономастических исследований, связанное с практикой установления формы, ударения, произношения, транскрипции, орфографии, норм склонения имен собственных, а также с установлением нормативных моделей отонимичных образований (отчеств, названий жителей по местожительству, прилагательных от топонимов и т. п.). В этом направлении ономастических исследований выделяются подвиды прикладная топонимика, прикладная антропонимика и т. д.
3. Региональная ономастика — направление ономастических исследований, которые связаны с определенной территорией, с местной ономастической подсистемой. Такие исследования обычно касаются одного из полей онимического пространства: топонимов, антропонимов, астрономов. Целью подобных исследований является выявление специфики имен на данной территории и связей ее имен (или типов имен) с соседними и\или даже отдаленными территориями.
4. Теоретическая ономастика — ономастические исследования, которые направлены на установление общих закономерностей развития и функционирования онимических систем и выявление онимических универсалий [Подольская, 97–104].

В работе В. Д. Бондалетова «Русская ономастика» после краткого анализа даётся обзор основных теорий и исследований, касающихся статуса имен собственных в лингвистике. Основные тезисы можно сформулировать следующим образом:

1. Имена собственные являются единицами языка, чаще всего словами, и потому должны рассматриваться как вполне законченный объект

языкознания.

2. Имена собственные относятся к номинативным, а не коммуникативным единицам языка и входят в большинство языков мира в класс конкретных имен существительных.
3. Специфика имени собственного заметна как на уровне языка — при их рассмотрении «вообще», вне конкретного употребления, так и на уровне речи — в конкретных контекстах и ситуациях.
4. Специфика имени собственного касается и его структурно-языковой стороны, и функциональной.

В функциональном плане специфика имени собственного позволила выделить следующие основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных называют функции: социальную, эмоциональную, аккумулятивную, дейктическую (указательную), функцию «введения в ряд», адресную, эстетическую, стилистическую [Бондалетов, с. 20].

Имя собственное (калька с латинского *nomen proprium*) — имя существительное, используемое для наименования конкретного, определённого предмета или явления и выделяющее их из ряда однотипных предметов или явлений. Основное значение имени собственного заключается в его связи с обозначаемым.

Все собственные имена, существующие в определённое время в языковом социуме, составляют его ономастическое пространство. Ономастикон — это не составленный механически список единичных понятий, а единое целое, структурированное системно в соответствии с категориями [Šrámek, с. 17]. Ономастическое пространство — это временной континуум, существующий в сознании людей разных культур и в разные эпохи заполненный по-разному. Помимо реально существующих или существовавших объектов в ономастическое пространство могут входить также и имена гипотетических объектов и субъектов. Многогранность

ономастики позволяет классифицировать ее, опираясь, например, на предметную соотнесенность имён собственных. Данный параметр можно назвать самым значительным, потому что в соответствии с ним получают свое название отдельные области, на которые подразделяется ономастическое пространство. Существует ряд классификаций имён собственных по данному признаку, например, классификация Адольфа Баха, послужившая основой для классификации А.В. Суперанской, которая разделяет имена собственные на следующие категории:

- антропонимы — имена людей (личные имена, фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы, криптонимы (скрываемые имена), эпонимы (имена, в честь которых получили название географические объекты), ономатеты (те люди или божества, дающие чему-то имя, названия));
- зоонимы — клички животных;
- фитонимы — названия растений;
- топонимы — названия географических объектов (ойконимы — названия населённых мест, гидронимы — названия водных объектов, оронимы — названия гор, урбанонимы — названия внутригородских объектов, годонимы — названия улиц, агоронимы — названия площадей, микротопонимы — названия небольших заселённых объектов, хоронимы — названия больших областей, стран, обширных пространств);
- названия произведений (в т. ч. музыкальных, литературных, живописных и т. д.);
- названия СМИ (газет, журналов, радиопередач);
- фиктонимы - имена героев, названия мест действия и т.п. в художественных произведениях.

Также Суперанская выделяет: названия природных явлений; космонимы (названия небесных объектов); хронимы (названия временных отрезков или точек); названия праздников; хрематонимы (обозначения

уникальных предметов); мифонимы (названия объектов, созданных фантазией людей); наименования гипотетических объектов, или гипотетионимы [Суперанская, с. 144–145].

Имена собственные также могут быть разделены на микро и макро, что особенно актуально для топонимов. Микротопонимы обычно локальны и известны небольшому количеству людей, негеографичны (сам топоним не отражает географической сущности объекта), а макротопонимы — названия местностей, известных почти всем людям за редким исключением, — обязательно связаны с крупными географическими объектами и занимают на карте довольно обширные области. Что же касается разделения антропонимов по линии «микро-макро», то под микроантропонимами следует понимать имена отдельных людей, клички животных, а под макроантропонимами — имена известных людей, а также названия династий или известных семейств, например, династия Арпадов [Суперанская, 165–170].

Ещё один критерий, по которому можно классифицировать имена собственные — это исторический аспект. Имена собственные и их состав меняются со временем, кроме того, в течение длительного промежутка может частично измениться даже ономастическая система определенного языка, например, может претерпеть изменения выбор средств образования онимов. Изучение данного аспекта тесно связано со сравнительным и историческим языкознанием, о чем можно судить по работе Станислава Роспонда, лингвиста, занимавшегося хронологией антропонимов. Для того чтобы определить хронологическую иерархию отдельных структурных схем, важно установить типичные, общеславянские или даже унаследованные от праиндоевропейской эпохи именные базы имени собственного [Роспонд, с. 5].

1.2. Деривация имён собственных.

Термин деривация имеет латинское происхождение: слово *derivation*

употреблялось сначала в значении «отверждение, отклонение». Таким образом, деривация в целом рассматривается как отклонение от нормального или исходного состояния, изменение направления развития, ответвление. Следовательно, соблюдая общенаучную тенденцию и традицию в определении термина деривация, лингвистический термин семантическая деривация следует использовать при описании семантических процессов, приводящих к отклонениям от исходного значения слова, его изменениям [Прохорова, с. 56].

Семантическая деривация трактуется в лингвистике в целом как частное проявление деривации. Однако само понятие «деривация» имеет в научной лингвистической литературе разное толкование. В узком смысле слова деривация — аффиксальное образование, т. е. образование новых слов посредством аффиксов (или при помощи дезаффиксации) согласно характерным конкретному языку моделям словообразования [Зеленский, 129]. В этом смысле также и мы используем термин в работе.

Антропонимы и их дериваты составляют важную часть языковой картины мира людей, поскольку, с одной стороны, являются отражением развития культурно-исторической жизни определённого народа и всего человечества, относятся ко всем сферам жизни человека, а, с другой, потому что они являются неисчерпаемым источником развития номинативных средств языка.

Дериваты объединяют все производные имена: сокращённые, ласкательные, уменьшительные и фамильярные [Рыбакин, с. 8]. Дериваты используются главным образом в неофициальной обстановке, в кругу знакомых и родных. Точное количество дериваций конкретного имени трудно посчитать. Так, в «Словаре русских личных имен» Н.А. Петровского свыше ста производных от имени *Иван*, около ста — от имени *Пётр* [Петровский, 385 с.]. Количество дериватов английских личных имен также не поддается точному подсчету. Как утверждает А. И. Рыбакин, это объясняется

характером их функционирования: фантазия для обращения к друзьям, родным и детям безгранична и необозрима [Рыбакин, с. 14]. Кроме того, в венгерском языке регулярно образуются многочисленные дериваты от топонимов при помощи суффикса -i (Budapest — budapesti, Magyarország — magyarországi).

1.3. Имена собственные в художественном произведении.

В исследованиях, посвященных художественной речи, постоянно отмечаются огромные экспрессивные возможности и конструктивная роль имен собственных в тексте. Антропонимы и топонимы участвуют в создании образов героев литературного произведения, развертывании его основных тем и мотивов, формировании художественного времени и пространства, передают не только содержательно-фактическую, но и подтекстовую информацию, способствуют раскрытию идейно-эстетического содержания текста, часто выявляя его скрытые смыслы. Большой интерес представляют и другие классы имён собственных, например, о статусе человека в обществе свидетельствует упоминаемое в художественном произведении название ресторана, где он обедает. Яркую характеристику герою произведения может дать название газеты, которую он читает, или название партии, к которой он принадлежит, тогда эти названия близки прецедентным именам, о которых речь пойдет далее. Однако использование имени собственного в такой характеризующей функции предполагает эрудированного читателя или же обязывает автора произведения давать соответствующие пояснения в примечаниях. Особенно тщательно следует работать с именами собственными в переводе художественных произведений, поскольку в этих случаях иноязычный читатель может быть мало знаком с иноязычными именами собственными.

Появляясь в литературном тексте семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащённым и выступает в качестве сигнала, который порождает обширный комплекс определённых

ассоциативных значений [Кухаренко, 103]. Во-первых, имя собственное указывает на социальный статус персонажа, его национальную принадлежность и, кроме того, обладает определенным историко-культурным наследием; во-вторых, в выборе того или иного имени персонажа, в учёте его этимологии всегда проявляется авторская модальность (например, имена героинь романа И. А. Гончарова «Обрыв» — Вера и Марфинька); в-третьих, имена персонажей могут предопределять формы их поведения в тексте (так, имя Масловой в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» — Катюша, Катерина («вечно чистая») — предсказывает возрождение души героини); в-четвёртых, характер употребления антропонима в тексте отражает определённую точку зрения (повествователя или другого персонажа) и служит её сигналом, а смена имени героя обычно связана с развитием сюжета; в тексте, наконец, могут актуализироваться символические смыслы антропонима и отдельных компонентов имени или фамилии (так, в контексте целого оказывается значимым первый компонент фамилии Карамазовы (*кара* — «чёрный»): в романе Ф. М. Достоевского он ассоциативно указывает на тёмные страсти в душах героев).

Имена собственные в их взаимодействии образуют ономастическое пространство текста, анализ которого позволяет выявить связи и отношения, существующие между разными персонажами произведения в их динамике, раскрыть особенности его художественного мира.

1.4. Понятие прецедентного имени.

Прецедентные имена — это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб.

В самых различных лингвокультурных сообществах имена Дон-Жуан и Ловелас уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, Вольтер как символ свободомыслия, Дон Кихот как символ бескорыстной

борьбы за справедливость. Прецедентные имена — это важная составляющая национальной картины мира, которая способствует стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям с учетом общечеловеческих ценностей. Прецедентные феномены отражают в тексте национальные культурные традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, литературы [Ларина, 70].

В венгерской культуре множество прецедентных имён можно найти в пословицах и поговорках, например:

Olyan messze van tőle, mint **Makó** Jeruzsálemtől. («Так далеко, как Мако от Иерусалима». Мако — город в комитате Чонград. Можно заменить русским выражением «у чёрта на куличиках»).

Meghalt **Mátyás király**, oda az igazság. («Скончался король Матяш, а с ним ушла и справедливость». Матяш — венгерский король, при котором средневековое Венгерское королевство достигло пика своего могущества).

Több is vezett **Mohácsnál**. («при Мохаче больше пропало». Битва при Мохаче — сражение, произошедшее 29 августа 1526 года у Мохача, в Венгрии, в ходе которого Османская империя нанесла сокрушительное поражение объединённому венгро-чешско-хорватскому войску. Торжествующая Османская империя заняла Среднедунайскую равнину, включив в свои владения самое сердце Европы. Можно заменить русским выражением «бывало и хуже»).

Вопрос о функциях прецедентных имён в тексте неоднократно привлекал внимание специалистов, которые стремятся понять, почему авторы обращаются к использованию ресурсов прецедентности.

Анализ существующих публикаций по проблемам функционирования прецедентных феноменов свидетельствует о существовании совершенно различных точек зрения на эту проблему.

Впервые термин «прецедентный текст» был введен в 1986 году доктором филологических наук Ю. Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности», в котором он определил основные черты прецедентных текстов и рассмотрел их отдельные виды, используя примеры из художественной литературы. Его последователи (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева и др.) несколько видоизменили первоначальное определение и выделили следующие признаки прецедентностных явлений:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества;

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Гудков, 108].

Важно отметить, что эти критерии до сих пор обсуждаются и критикуются учеными, поскольку вызывают множество вопросов.

Основоположник теории прецедентности Ю. Н. Караулов рассматривает способы и цели введения прецедентных текстов в дискурс и выделяет несколько типов: номинативный (знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую примету); референтный (включение имен выдающихся людей в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения эстетической и этической мощи воздействия на читателя); цитирование. Функции цитирования могут быть двойными. Роль высказывания, носящего характер формулы, состоит в указании на особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя и эпохи [Караулов, с. 230].

Прецедентными именами являются особые единицы дискурса, которые заключают в себе некоторый смысл, понятный лишь представителям определенного этно-лингвокультурного сообщества. Прецедентные имена отражают некие дифференциальные признаки, выражают оценку и ассоциируются с атрибутами.

Дифференциальные признаки составляют некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных, и могут включать характеристику предмета по внешности, чертам характера или актуализироваться через прецедентную ситуацию. Атрибутами называются некие «элементы», тесно связанные с означаемым прецедентным именем, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например: кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона. Оценка, выраженная с помощью прецедентных имен, подчеркнута эмотивна и не претендует на объективность [Гудков, с. 124].

Актуализация дифференциальных признаков прецедентных имен в речи связана с передачей разных типов информации, так как имя собственное представляет собой «точку соприкосновения» представляет собой «точку соприкосновения» лингвистического и экстралингвистического планов. Таким образом, прецедентные имена являются важной частью языка.

1.5. Ономастические исследования в венгерском языкознании.

Онимы тщательно исследуются венгерскими лингвистами. Об этом говорит внушительное количество работ на эту тему. Так, например, современный венгерский писатель Адам Бодор (Bodor Ádám) пишет о роли имени главного героя и отмечает огромное множество памятных имён в мировой литературе, что, несомненно, свидетельствует о важности того, какое имя носит персонаж. Хорошо подобранное имя в какой-то мере помогает развитию событий, с героем становится «легче работать», поскольку само имя уже добавляет персонажу черты индивидуальности. Герой со скучным именем, именем без своей «истории» так и остаётся

обычной невзрачной «тенью», и этого допустить нельзя: под каждым именем скрывается личность, которая, в конечном счёте, в повседневной жизни всё-таки может повлиять на судьбу, решения человека [Vodog, с. 10–11].

В 1958 году в Будапеште была проведена Первая Конференция по ономастике, на которой важность роли онимов в художественной литературе подчеркнул Геза Барци [Bárczi, с. 15]. С шестидесятых годов XX века всё больше венгерских учёных стало обращаться к ономастике. В большинстве работ представлен разбор онимов на материале одного или нескольких произведений поэта или писателя. Например, Иштван Кирай в монографии об Эндре Ади показывает многообразие топонимов в стихотворениях поэта [Király, с. 775–783]. Анализ антропонимов в ранних новеллах Гезы Чата представляет Ева Ковач [Kovács, с. 300–303], о названиях произведений Гезы Гардони рассуждает Йозеф Бакош [Bakos, с. 424–439], в работе Марии Хорват представлено богатство топонимов в произведениях Дежё Костолани [Horváth, с. 423–428], имена собственные героев Кальмана Миксата анализирует Миклош Надь [Nagy, с. 449–454], о говорящих именах в произведениях Енё Рейтё пишет Иштван Шудар [Sudár, с. 96–100], а метафоричность имён собственных в «Подушке Ядвиги» Пала Завады говорит Шаролта Остролуцки [Osztrólczyk].

Об ономастическом пространстве произведений Морица пишут немногие лингвисты: например, Даниэл Ковач разбирает онимы на материале нескольких произведений [Kovács, с. 65–72], а Марта Шимон описывает богатый список имён собственных в повестях «Сиротка» («Árvácska») и «Мотылёк» («Pillangó») [Simon, с. 73–95].

Таким образом, мы рассмотрели проблемы ономастики, классификацию имён собственных, а также убедились в том, что ономастические исследования в венгерском языкознании довольно значительны, достаточно хотя бы посмотреть обзор материала на сайте кафедры венгерского языкознания Дебреценского университета [[Debreceni](#)

egyetem: Magyar Nyelvtudományi tanszék].

В следующих главах мы займёмся анализом онимов в произведениях Морица, в процессе которого будем пользоваться таким термином, как деривация. Под ним мы понимаем понятие производности языковых единиц от единиц, признанных за исходные. Относительно имён собственных — это образование уменьшительно-ласкательных имён, например, Ferenc — Feri (Ференц — Фери), Mihály — Misi (Михай — Миши) и т. д. Мы рассмотрим специфику употребления имён собственных в произведениях Морица и попробуем разобраться, какую роль они выполняют.

Глава 2. Имена собственные в романах Морица.

Мориц написал более десяти романов. Речь идёт лишь о приблизительной цифре, поскольку в русском литературоведении некоторые из его произведений, считающиеся романами в Венгрии, относятся к повестям (например, «Сиротка» («Árvácska»), «Мотылёк» («Pillangó») и «Не могу без музыки, без песни» («Nem élhetek muzsikaszó nélkül»)). Этому есть простое объяснение — объём произведений, а также различия в сложности содержания и менее широкий охват описываемых событий.

В 1920 году выходит один из самых известных романов Морица «Будь честным всегда» («Légy jó mindhalálig»), действие которого происходит в начале 1890-х годов в Дебреценской гимназии (где, как мы знаем, учился и сам писатель).

В произведении насчитывается 298 имён собственных и дериватов.

Антропонимы.

Среди 150 антропонимов много прозвищ, например: рассказчик говорит нам, что отец мальчика каждому своему ребёнку давал прозвище, и Миши он называл Gaszi — «Кнопка». В школе ребята писали имя своего одноклассника Gimesi (Гимеши) на господский манер — «Ghimessy» (в фамилиях людей дворянского происхождения конечный звук [i] на письме передавался буквой y), а также в шутку дразнили Körpincs (Тучком). Одноклассника Марци Тайти называют не иначе как Tök Marci (Марци-тыква). Однако до конца романа мы так и не узнаем, как зовут директора гимназии, поскольку все ученики зовут его A vén baka (Старым рубакой). В деревне маму Миши называли на крестьянский манер — Borcsa (Борча) вместо Borca (Борца), хотя сама семья главного героя была дворянского происхождения, хоть и обедневшая. Миши, думая о том, как богато семейство Doroghy (Дороги), мысленно называет отца одноклассника именем главного героя романа немецкого писателя Христиана Августа Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников», Rinaldó Rinaldini (Ринальдо Ринальдини).

Прецедентные имена.

В романе очень много прецедентных имён. Среди известных широкому кругу лиц мы встречаем такие имена, как Ovidius (Овидий), Vergilius (Вергилий), Bíborbanszületett Konstantinos (Константин Багрянородный), Konstantinos Porphürogennétosz (Константин Порфирогенет), Hunyadi László (король Ласло Хуняди), IV. Béla (король Бела IV), Mídás (царь Мидас), Juliusz Caesar (Юлий Цезарь), Goethe (Гёте), Schiller (Шиллер).

Важно отметить, что есть некоторые различия в способе написания известных имён: конечный звук [с] в латинском варианте имён Овидия, Вергилия, Константина и Юлия писатель фиксирует то с буквой «s» (согласно правилам латыни), то с буквой венгерского алфавита «sz», передающую тот же звук (Ovidius, Vergilius, Konstantinos, но Juliusz), в имени Mídás звук [а] записан не привычной нам латинской «a», а венгерской «á».

Помимо этих имён читатель встречает такие прецедентные имена, которые понятны только венграм или людям, знакомым с историей Венгрии. И поэтому следующие имена собственные требуют некоторых комментариев. Так, в романе упоминаются следующие имена: Munkácsy (Михай Мункачи, в романе называется только фамилия), Zichy Mihály (Михай Зичи) и Csokonai-Vitéz Mihály (Михай Чоконай-Витез). Дело в том, что главный герой произведения, мальчик Nyilas Mihály (Михай Нилаш), увлекается живописью и поэзией. Он покупает на последние деньги краску для рисования. Михай Мункачи — известный венгерский художник реалистического направления конца XIX века. Зичи — также венгерский рисовальщик и живописец, много работавший в России. А в ящике у маленького гимназиста находится книга о Миае Чоконай-Витезе, купленная им у букиниста за тридцать крейцеров — огромные деньги. Чоконай — выдающийся венгерский поэт, родился и жил в Дебрецене, учился в Дебреценской гимназии, там же, где и герой романа. Словом, мальчик заинтересован и разбирается в этих видах искусства и, возможно, именно поэтому Мориц дал своему герою такое же имя, как у

художника и поэта, чтобы подчеркнуть схожие стремления к прекрасному у мальчика и у этих знаменитых личностей.

Основное действие романа происходит в гимназии, на занятиях. На уроках венгерской литературы дети изучают творчество писателя-романиста по имени Jókai Mór (Мор Йокаи), таких поэтов, как Petőfi Sándor (Шандор Петёфи) и Arany János (Янош Арань), на уроках истории страны им рассказывают о подвигах известного хорватского и венгерского политика, военачальника, одного из главных героев Австро-Турецкой войны 1663–1664 годов по имени Zrínyi Miklós (Миклош Зрини); о жизни руководителей антигабсбургских национально-освободительных войн венгерского народа 1613–1629 и 1703–1711 годов (Bethlen Gábor (Габор Бетлен) и Rákóczi Ferenc (Ференц Ракоци) соответственно), о политическом деятеле Венгрии XIX века, отце Австро-венгерского соглашения, которого зовут Deák Ferenc (Ференц Деак) и об участнике революционных событий 1848–1849 годов по имени Kossuth Lajos (Лайош Кошут). Упоминается также и министр внутренних дел Венгрии 1850–1859 годов (в романе указана только его фамилия) — Bach (Шандор Бах).

В одной из глав старшеклассник и товарищ Михая рассказывает мальчику историю о том, как кочевники венгры пришли и обосновались в бассейне Карпат. Он рассказывает о работах историков (Agassis (Агассис) и Kézai Simon (Шимона Кезаи, историограф), Михай слышит истории о Святом Геллерте (Szent Gellért) и монахе Юлиане (Julián szerzetes) — венгерском монахе-доминиканце, совершившем в 1230-е годы путешествие на восток в поисках Magna Hungaria (Великой Венгрии), прародины венгров.

Топонимы.

В романе насчитывается 90 топонимов, и среди них есть как расположенные на территории Венгрии (Ойконимы Debrecen (Дебрецен), Budapest (Будапешт), Pozsony (Пожонь, сейчас этот город называется Братислава, но в конце XIX века он находился на территории Венгерского

королевства и имел такое название), Szigezvár (Сигетвар), Székesfehérvár (Секешфехервар); гидронимы a Tisza (Тиса), a Balaton (Балатон), a Duna (Дунай); ороним a Kárpátok (Карпаты); урбаноним Nagyerdő (Надьердэ — микрорайон в Дебрецене), гидронимы Nagymester utca (улица Надьмештер), Darabos utca (улица Дарабош), Kossuth utca (улица Кошута), a Péterfia (улица Петерфия), Csaró utca (улица Чапо); микротопонимы Patak (Патак), Tarcsl (Тарцал); хоронимы Szatmár megye (Сатмарский комитат), Magyarország (Венгрия), Hortobágy (Хортобадская степь), Pannónia (Паннония)), так и за её границами (Turin (Турин), Konstantinápoly (Константинополь), Aurignac (Орийак), Düsseldorf (Дюссельдорф), дериват babiloniai építkezések (строения Вавилона), Belgrád (Белград), Kazán (Казань), a Volga (Волга), a Fekete-tenger (Чёрное море), az Oka (Ока), az Aral-tó (Аральское озеро), az Ob (Обь), a Don (Дон), a Dnyeper (Днепр), a Dnyeszter (Днестр), Jeges-tenger, Északi-Jeges-tenger (Северный Ледовитый океан), Kaszpi-tó (Каспийское море), a Balkán (Балканы), a Ronszvalli-hágó (Ронсельвальский перевал), Jura-hegység (горный хребет Юра), Ardennek (Арденны), Sevennek (Севенны), az Urál (Урал), Kaukázus (Кавказ), az Altaji hegyek (Алтайские горы), дериват a meotisi ingoványok (Меотийское болото (Азовское море)), Kotdor (Кот-д'Ор), Olaszország (Италия), Afrika (Африка), Egyiptom (Египет), Franciaország (Франция), a Pireneus (Пиренеи), Langréi-fennsík (плато Лангр), Neanderthal (долина Неандерталь), дериват floridai félsziget (полуостров Флорида), A maláji szigetek (Малайские острова), Kovás-völgy (Ковашская долина), дериват a diószegi országút (Диосегская дорога), Átkos földek (Проклятые земли), Erdély (Трансильвания), Európa (Европа), Ázsia (Азия), Oroszország (Россия), a Krími félsziget (Крымский полуостров), Bulgárország (Болгария), a Vereckei-szoros (Верецкейское ущелье), Szibéria (Сибирь), Ausztrália (Австралия), Amerika (Америка), Németország (Германия), Anglia (Англия), Ausztria (Австрия), Románia (Румыния).

Как мы видим, мир топонимов в романе очень богат. Так же, как мы

следуем за Родионом Раскольниковым, наблюдая Петербург Достоевского, так и читатель этого произведения, хоть раз бывавший в Дебрецене, следует за Михаем Нилашем, узнавая каждую названную улицу.

Также в романе нам встречается один зооним — Нектор (Гектор) — кличка собаки, хотя в произведениях это явление достаточно редкое, если оно не обусловлено соответствующим сюжетом.

В 1932 году Мориц создает одно из самых значительных своих произведений — известный роман «Родственники» («Rokonok»). Действие этого романа происходит в небольшом городе, который, как и вся Венгрия, бьётся в лихорадке, которую вызвали последствия мирового экономического кризиса. Мориц беспощадно обличает коррупцию, разъедавшую всю страну и охватившую господствующие классы Венгрии. По остроте поставленных вопросов и по обрисовке характеров роман сравнивался венгерской критикой с «Ревизором» Гоголя [Липпай, 9].

Название произведения говорит само за себя. Можно сразу догадаться, что мы встретим множество имён собственных, особенно антропонимов. Действительно, в романе 176 имён собственных и дериватов. Однако, стоит отметить: несмотря на бóльший объём, «Родственники» значительно уступают роману «Будь честным всегда» по количеству имён собственных. Но в «Родственниках» фамилии, должности, имена словно со всех сторон окружают читателя. В таком огромном потоке трудно разобраться, кто чей родственник, и кто кем кому приходится. Порой складывается ощущение, что имён чрезмерно много. К тому же, по сравнению с «Будь честным всегда», где соотношение антропонимов и топонимов примерно 5:3, в этом романе это соотношение примерно равно 10:3 (107 антропонимов и 33 топонима).

Антропонимы.

Главным героем романа является Корjáss István (Иштван Копьяш), которого выбирают главным прокурором города. И тут к нему домой начинают съезжаться со всех сторон многочисленные родственники, которые

хотят извлечь для себя выгоду из этой ситуации. За помощью обращаются и Lajos bácsi (дядя Лайош), и сплетница Kati néni (тётя Кати), и сестра Adélka (Аделька), желающая удачно пристроить своих дочерей, которых зовут Irma и Évika (Ирма и Эвика). Bergi (Берци), дядя, приходит к Иштвану с просьбой занять денег... Копьяш даже берётся за перо, чтобы составить список всех прибывших гостей. Хитрый помещик по фамилии Kardics (Кардич), а также старый бургомистр различными способами пытались понять, насколько хорошо им будет житься при новом прокуроре. В этих героях многие читатели узнавали таких же мошенников, какими кишела хортистская Венгрия⁵.

Прецедентные имена.

В одном из разговоров упомянуты города Szodoma és Gomorra (Содом и Гоморра). Нет сомнений, что Мориц включает их в разговор героев не случайно: ведь это два известных библейских города, которые, согласно Библии, были уничтожены Богом за грехи их жителей.

Из прецедентных имён мы встречаемся с одним из выдающихся национальных героев Венгрии, которого зовут Kossuth Lajos (Лайош Кошут). Его имя упоминается в песне «Kossuth Lajos azt üzente...» («Лайош Кошут передал нам...»), которая была сложена в XIX веке после подавления национально-освободительной борьбы венгерского народа 1848–1849 годов).

Также упоминаются а Habsburgok (Габсбурги) и Lionárdó de Vincsi (Леонардо да Винчи).

⁵ Официально страна в период 1920–1946 годов называлась Королевством Венгрии (венг. Magyar Királyság). Название «Хортистская Венгрия» страна получила, потому что фактически находилась под властью регента Миклоша Хорти (Horthy Miklós). Официально являвшийся королём Венгрии Карл IV, умерший в 1922 году, как и его сын — наследник Отто Габсбург, так и не смогли вернуть себе реальную власть в Венгрии в связи с угрозой войны с соседними государствами, а также из-за противодействия со стороны регента Хорти.

Топонимы.

Действие романа происходит в городе Zsarátnok (Жаратнок). Несмотря на то что этот город является вымышленным, венгерскому читателю всё равно может показаться, что все описанное основано на реальных событиях и происходит в реальном городе. Дело в том, что Мориц в этом романе применяет такой же приём, который описывала венгерский языковед Каталин Шолтес, анализируя произведения Кальмана Миксата. Она говорит, что Миксат называет свои города Zehernye, Mezernye и Mahornya (Зехерне, Мезерне и Махорня) так, чтобы они были созвучны существующим венгерским топонимам — Letenye, Böhönye, Palkonya (Летене, Бёхёне, Ралконя), что, несомненно, придаёт ощущение реалистичности [Soltész, с. 168]. Так и в «Родственниках» город Zsarátnok созвучен существующим Szolnok, Putnok, Tárnok (Солнок, Путнок, Тарнок).

Родственники прибывают из города Rimaszombat (Римасомбат — венгерское название города Римавска-Собота, который по Трианонскому мирному договору (подписан в 1920 г., вступил в силу в 1921 г.) отошёл к Чехословакии, сейчас — территория южной Словакии), из Szatmár megye (Сатмарский комитат — область на северо-востоке Венгрии), а также из города Podolin (Подолин — венгерское название города Подолинец, находящегося в Чехословакии, сейчас — в восточной Словакии).

В романе названы и микротопонимы Madas (Мадаш), Kishegyes (Кишхедеш), Lekejtó (Лекейто), Villasor (Виллашор), Nagykároly (Надькарой), Harangos (Харангош); годонимы Wesselényi utca (улица Вешшелени) и Szent Margit utca (улица Сент Маргит); гидроним а Tisza (Тиса); хоронимы Alföld (Алфёльд), Dunántúl (Дунантул) и Magyarország (Венгрия); а также города Párizs (Париж) и Bécs (Вена).

Нам встречается дериват Gömör megyei család (семья из комитата Гёмёр). В настоящее время этот комитат (область) находится в составе Borsod-Abaúj-Zemplén megye (комитата Боршод-Абауй-Земплен),

расположенном на северо-востоке Венгрии.

Таким образом, мы пронаблюдали, насколько богат ономастический мир в двух самых известных романах Морица. Нам стоит отметить, что именно в романах мы можем увидеть самое большое количество случаев деривации от имени персонажа.

Так, в «Будь честным всегда», имя главного героя — Mihály. От него образованы уменьшительно-ласкательные Misi (Миши), Misika (Мишика), Mihályka (Михайка). Маму мальчика зовут Borca (Борца), и дериваты от её имени — Borcsa (Борча) и Borika (Борика).

В «Родственниках» главного героя, Иштвана Копьяша, называют следующими именами: Pista (Пишта), Pistike (Пиштикe), Pistu (Пишту), Pistuka (Пиштука). Его жену, Лину, — Linácska (Линочкой), дядю, Boronka Ferenc (Ференца Боронкаи) — Feri (Фери).

Нет сомнений, что поскольку роман — весьма объемный жанр, то и имён собственных он содержит больше, чем, скажем, пьесы. Однако их не стоит игнорировать. Далее мы остановимся на анализе онимов в пьесах Морица.

Глава 3. Имена собственные в пьесах Морица.

Мориц буквально произвёл переворот в венгерской драматургии. На сцены театров вдруг ворвалась подлинная жизнь с её сложными социальными противоречиями.

Пьесу «Староста Шари» («Sáríbíró») Мориц написал в 1909 году. Это одно из немногих произведений автора, созданных им специально для театра, и оно не являлось переработкой его же романа, повести или рассказа. Литературоведы признавали и признают большое значение этой пьесы Морица в развитии венгерской реалистической драматургии. Ведь именно благодаря Морицу венгерский крестьянин появился на сцене таким, какой он есть, а с ним и «земельный город батраков» и «жажда наживы и кулачества», как говорит литературный критик Золтан Фабри [Fábri].

В пьесе мы нашли 60 имён собственных и дериватов.

Антропонимы.

Среди антропонимов есть множество говорящих онимов.

Рассмотрим имя Шари. «Старостой Шари» дразнят старосту, имя которого мы не узнаем до конца пьесы. На самом деле, Шари — жена старосты, властная и упрямая женщина. Sári — это уменьшительно-ласкательное от венгерского женского имени Sarolta (Шаролта), которое пришло в язык от французского Charlotte, что означает «мужественная, королевская, властная».

Фамилия Pengő — звонкий, звенящий, также старая денежная единица в Венгрии;

Герой по фамилии Gügye постоянно говорит себе под нос. Gügye происходит от венгерского глагола gügyög, что означает «лепетать, роптать».

Интерес представляют вымышленные фамилии Felsőkovács (Фелшёковач), Alsókovács (Алшёковач), Vakkovács (Вакковач), искусственно созданные старостихой для проведения нелегитимных выборов. Kovács (Ковач) — распространённая венгерская фамилия, и эти антропонимы

созданы путём прибавления к ней венгерских слов *felső*, *alsó* и *vak*, вследствие чего возникают три забавных Ковача: Верхний, Нижний и Слепой.

Топонимы.

В пьесе названо всего 5 топонимов (один гидроним — река Тиса; три хоронима (название больших областей, стран, частей света) — Венгрия, Америка, плато Ниршег; микротопоним — село Киниж). Примечательно, что в Венгрии есть два села: *Nagykinizs* и *Kiskinizs* (Большой и Малый Киниж). Как мы писали выше, Мориц очень много путешествовал по провинциальной Венгрии, побывал во многих селеньях и хорошо знал крестьянский быт. Действительно, в крестьянской среде бытует только название *Kinizs*, что и отражено в речи героев пьесы.

Дериваты в произведении также называют совершенно конкретные места: *báji* «байский» (*Báj* — село в комитате Сабольч), *bocskai vásár* «бочкайская ярмарка» (*Bocska* — населённый пункт), *debreceni kollégium* «дебреценский коллегийум». Важно отметить, что в этом коллегийуме учился сам Мориц.

Пьеса «Мати Лудаш» («*Ludas Matyi*») написана в 1911 году. В основе сюжета лежит созданная венгерским поэтом Михаем Фазекашем (*Fazékas Mihály*, 1766–1828) история о смелом, хитром и умном крестьянине, устроившем справедливый суд над суровым помещиком.

Фазекаш, творчество которого развивалось под существенным влиянием идей французской революции, в 1804 году написал поэму «Мати Лудаш», которая приобрела большую популярность в Венгрии, отдельные цитаты из неё стали народными пословицами и поговорками, а имя главного героя — нарицательным. С тех пор в Венгрии было написано несколько сценических вариантов поэмы.

По воспоминаниям дочери Морица, Вираг Мориц (*Móricz Virág*), писатель услышал эту историю ещё в детстве от своей матери и понял её

мораль: нужно быть подобным смелому юноше, который отомстил угнетавшему его и народ свирепому помещику-тунеядцу [Móricz, с. 119–120].

В пьесе насчитывается 42 единицы имён собственных и дериватов.

Антропонимы.

Антропонимов в пьесе немного: среди действующих лиц (которых более, чем достаточно) имена получили лишь 11 персонажей. Остановимся на фамилии главного героя — Ludas (Лудаш). Скорее всего, можно назвать её прозвищем героя, поскольку «lúd» в переводе с венгерского — «гусь». Ведь конфликт между «властью» и «народом» постепенно начинает развиваться с того момента, когда главный герой на ярмарке пытается продать трёх гусей, а злобный помещик по имени Döbrögi Dömötör (Дёмётёр Дёбрёги) не собирается платить всю требуемую сумму за птицу.

От имён Évi (Эви), Kobak (Кобак) и Malyi (Мати) образованы дериваты: уменьшительно-ласкательные имена Évika (Эвика), Kobakoska (Кобакочка) и Malyika (Матика).

Топонимы.

Действие происходит в вымышленном городе под названием Döbrög (Дёбрёг). Это название приобретает статус нарицательного, обозначающего венгерскую провинцию, в которой при старом режиме царил произвол владевшей огромными поместьями феодальной знати.

Среди 23 топонимов встретились следующие: хоронимы Alföld (Алфёльд), Dánia (Дания), Anglia (Англия), Francia (Франция), Makedónia (Македония), Stirija (Штирия — провинция на юго-востоке Австрии), Rákosi mező (Ракошское поле — так называются луга в долине реки Rálos (Ракош), которая является небольшим притоком Дуная в окрестностях Будапешта. С этим местом связаны многие знаменательные события в истории страны, например, Венгерская крестьянская война 1514 года — антифеодальное крестьянское восстание под предводительством Дёрдя Дожи (Dózsa György), начатое как крестовый поход против турок); ойконимы Miskolc (Мишкольц

— город на северо-востоке Венгрии, игравший значительную роль в экономике старой Венгрии), Mántuja (Мантуя — город, административный центр одноимённой провинции в Ломбардии в Италии), Losonc (Лошонц — венгерское название словацкого города Лученец), Debrecen (Дебрецен), Róma (Рим); Pest (Пешт); гидроним a Tisza (Тиса) и урбаноним Beleznay-kert (Сад Белезнаи, который расположен под Будапештом и назван так в честь известного регента и композитора Антала Белезнаи (Beleznay Antal, 1859–1915).

Особого внимания требуют следующие топонимы: Grázia, Ruszlandia, которые называет Лудаш, когда приходит к помещику в облики итальянца, и здесь мы сталкиваемся с имитацией речи иностранца: Лудаш, беседуя с помещиком на венгерском языке, пытается создать итальянский акцент, таким образом заменяя венгерские топонимы, такие как Görögország (Греция) на Oroszország (Россия) на Grázia и Ruszlandia, которые, в принципе, не существуют ни в венгерском, ни в итальянском.

В пьесе есть два деривата — образованный при помощи суффикса -i от топонима Jolsva (Ёлшва — венгерский вариант названия старинного села на территории Словакии (Jelšava)) jolsovai, который встречается в словосочетании jolsovai kolomp (ёлшовайский колокольчик — в городе был развит кустарный промысел по производству металлических изделий, в том числе и колокольчиков, пользовавшихся большим спросом среди венгерского крестьянства). А от ойконима Pozsony (Пожонь) образован дериват rozsonyi, употреблённый в следующем контексте: rozsonyi diéta (Пожоньский сейм: в конце XIX столетия вследствие развития буржуазных отношений в Венгрии, а также под влиянием французской революции 1789 г. либерально настроенные круги венгерского дворянского Пожоньского сейма 1790–1791 гг. ратовали за смягчение порядков крепостного права. Однако земельные магнаты, боясь краха феодально-крепостнических отношений, оказывали отчаянное сопротивление всяким реформам и пытались усилить власть

помещиков над крестьянами).

В 1927 году Мориц создаёт пьесу «Господский пир» («*Úri piri*»), в которой он поднимает тему обреченности дворянско-помещичьего класса. Это свидетельствует о том, как глубоко переживал Мориц катастрофическое положение страны после удара мирового кризиса.

Среднепоместный дворянин Szakhmáry Zoltán (Золтан Сакмари) пытается вводить различные новшества, чтобы хоть как-то побороть тенденцию отсталого ведения хозяйства, однако, его консервативная жена Rhédey Eszter (Эстер Редей) требует, чтобы он жил, как и все остальные помещики. Золтан же в отместку начинает ухаживать за симпатичной батрачкой по имени Rozika (Розика), потому что думает, что она разделяет его взгляды. Но когда Золтан понимает, что она лукавит и думает лишь о своей выгоде, рушится его мечта об искренней и чистой любви.

В пьесе мы нашли 85 имён собственных и дериватов.

Прецедентные имена.

И в этом произведении мы сталкиваемся с большим количеством прецедентных имён (13 исторических личностей). С одной стороны, это — имена исторических личностей, известных широкому кругу лиц (Mária Luiza (Мария-Луиза, (вторая жена Наполеона, за счёт брака с которой тот хотел укрепить гегемонию Франции в Западной Европе)), Mária Terézia (Мария Терезия, королева Венгрии с 25 июня 1740 г. по 29 ноября 1780 г.), Наполеон (в тексте он фигурирует в речи Розики как Nipelóne. Таким образом автор хочет показать уровень образованности девушки), II. Endre (Эндре Второй, король Венгрии с 7 мая 1205 г. по 21 сентября 1235 г., издал «Золотую буллу» (1222 г.), которая по содержанию является грамотой о привилегиях и может быть причислена к королевским законодательным установлениям), Mátyás (Матяш, король Венгрии с 28 января 1458 г. по 6 апреля 1490 г., первый ренессансный правитель Восточной Европы, покровитель художников и архитекторов из трансильванского магнатского рода Хуняди,

при котором средневековое Венгерское королевство достигло пика своего могущества).

Однако есть такие прецедентные имена, роль которых в произведении будет понятна далеко не каждому читателю, а, возможно, узкому кругу лиц. Поэтому эти онимы требуют определённого комментария. Например, герои называют такую личность, как Tisza Pista (Пишта Тиса). Дело в том, что Иштван (István — полное имя от Pista) Тиса был премьер-министром Венгерского королевства, и во время парламентских выборов возглавил так называемую «национальную трудовую партию». Как один из виновников первой мировой войны, Тиса был убит 31 октября 1918 г. восставшими солдатами в день начала всеобщей забастовки, переросшей в буржуазно-демократическую революцию в Венгрии. В народе его называли Пиштой (Pista — дериват от István).

Упоминается и Tisza Kálmán (Кальман Тиса), возглавлявший венгерское правительство двуединой Австро-Венгерской монархии в 1875–1890 годах. Gróf Karaffa (граф Караффа) подавлял освободительное движение куруцев, а также проводил массовые репрессии мирных жителей. Barón Hajnau (барон Гайнау) прослыл «гиеной Брешии» за кровавое усмирение восстания итальянцев в 1849 году. Будучи главнокомандующим австрийских войск в Венгрии в период революции 1848–1849 гг., проявил зверскую жестокость при подавлении национально-освободительной войны венгерского народа.

Таким образом, использование прецедентных имён помогает Морицу лучше передать взгляды своих героев.

Топонимы.

Среди 13 топонимов, упомянутых героями пьесы, есть один гидроним — р. Беретью (a Berettyó); хоронимы Альфёльд (Alföld), Чанад (Csanád), Трансильвания (Erdély), Япония (Japán); ойконимы Будапешт (Budapest), Пешт (Pest), Надьварад (Nagyvárad, румынский город Орадя), Кечкемет (Kecskemét), Карцаг (Karcag), Кошица (Kassa).

Мориц снова называет конкретные места. Szentkirály (хутор Сенткирай), Nyomorlak (букв. Нищий хутор) — это говорящее название, от венгерского существительного *nyomog* — «нищета».

В пьесе большое количество эргонимов (название союза, организации, общества и т. д.): Takarék (Ссудный банк), Juhtartó Társaság (Общество овцеводов), Pannónia (Паннония, заведение), Orfeum («Орфейум», кабаре), Nagyvendéglő étterme (Столовый зал); Vásárhelyi Takarék (Вашархейский банк).

Следует отметить, что в некоторых случаях перед именем собственным употребляется определённый артикль *a*. Например, *a Zoltán*, *a Levkóvics úr*. Это означает, что говорящий относится к этому человеку неуважительно, с долей пренебрежения («этот самый Золтан», «этот господит Левкович»).

Мы видим, что и пьесы Морица изобилуют именами собственными, в частности, антропонимами и топонимами. В следующей главе мы приступим к анализу новелл и рассказов писателя.

Глава 4. Имена собственные в повестях, рассказах и новеллах

Морица.

4.1. Повести.

В написанной в 1916 году повести «Не могу без музыки, без песни» («Nem élhetek muzsikaszó nélkül») автор не затрагивает тему разложения венгерского дворянства (хотя это одна из главных тем его творчества). Мориц словно позволяет себе немного отдохнуть душой, рисуя перед читателем этот смешной мир дворян, который показан нам не омрачённым подлым и низким расчётом. Это беззлобная зарисовка «старых-добрых» габсбургских времён, когда тучи над венгерским средним классом только собирались.

У девушки по имени Pólika (Полика) очень весёлый и задорный муж Balázs (Балаж), который любит развлекаться, петь да гулять. Однажды жене это надоело, и она уехала к родственницам, пытаясь вернуть мужа домой хитростью. Но к хитрости она прибегает в данном случае во благо, для сохранения семьи и домашнего очага.

В повести насчитывается 64 единицы имён собственных и дериватов, из которых 40 антропонимов, 22 топонима, 1 зооним и также упомянут Тисаэсларский процесс (tisaeszlári pör) — по мнению рассказчика, шум, доносящийся из корчмы, в которой засел Балаж, можно сравнить только с шумом, вызванным Тисаэсларским процессом. Речь идёт о процессе евреев, жителей села Тисаэслар, обвинённых в ритуальном убийстве венгерской девочки Эстер Шоймоши в 1882 г. Справедливость восторжествовала благодаря выступлению писателя и политического деятеля Кароя Этвеша.

Прецедентные имена.

В повести мы также можем встретить несколько прецедентных имён: речь персонажей заходит о человеке по фамилии Pecsovics (Печович). Он был управляющим графа Фештетича и славился рабским служением интересам консервативных, прогабсбургских магнатов. Упоминается и Tisza Kálmán

(Кальман Тиса) — реакционный политический деятель, который отстаивал интересы крупных землевладельцев, укреплявших зависимость Венгрии от Австрии. В связи с этим именем говорится и о «Бихарских пунктах» («A bihari pontok») — политической программе, разработанной Тисой в 1868 году, целью которой было успокоить широкие массы, недовольные соглашением 1867 года. Упоминается и Rinaldo Rinaldini (Ринальдо Ринальдини), герой романа немецкого писателя Христиана Августа Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников», в котором идеализируется разбойничий быт.

Топонимы.

В повести хорошо представлен мир топонимов: путь Розики из своего имения к тётушкам долог, и ей приходится проезжать множество населённых пунктов: Bodony (Бодонь), Brassó (Брашшо), Bény (Бень), Szemce (Семце), Kálló (Калло), Csergető tanya (хутор Чергетё). Встречаются также и названия комитатов (областей): Сатмар, Берег и Бихар (Szatmár, Bereg и Bihar).

В 1940 году в свет выходит повесть Морица «Сиротка» («Árvácska»). Действие разворачивается в венгерской степи. У маленькой девочки нет родных, и её определяют то в одну, то в другую приёмную семью, где ей приходится совсем не сладко: на неё взваливают всю работу по дому, плохо кормят, одевают, не дают учиться в школе. У ребёнка нет даже имени. По документам её зовут Állami Árvácska (Сирота Аллами, букв.: Государственная Сирота).

В повести мы нашли 69 имён собственных и дериватов.

Антропонимы.

Среди антропонимов есть множество говорящих имён. Сеннеши (Szennyesék) — недобрые люди, бывшие своей приёмную дочь. Один из героев повести и, наверное, единственный друг Сиротки, старик, разозлившись, называет Сеннешей Pizok и Pizokné (господином и госпожой Писок). Для начала рассмотрим фамилию Szennyes. Она образована от

венгерского существительного *szenny* — «грязь». «Фамилию» *Piszkos* старик образует от венгерского прилагательного *piszkos* — «гнусный, подлый», происходит некоторая игра слов. Фамилия потенциальной опекуни Сиротки — *Veróné* (от глагола *ver* — «бить, избивать»).

В середине повести читатель узнаёт, что Сиротка, оказывается, совсем плохо говорит. И от новых приёмных родителей она получает новое имя — Шепелявка (*Pösze*; от *pösze* — «шепелявый»).

Среди семи топонимов есть ойконимы Будапешт (*Budapest*), Кечкемет (*Kecskemét*), Пешт (*Pest*); гидроним проспект Андраши (*Andrássy út*); микротопоним Абонь (*Abony*); хороним Алфёльд (*Alföld*) и гидроним *kerektó* (Круглое озеро). Примечательно, что в тексте оригинала название озера написано с маленькой буквы, и можно подумать, что девочка просто выдумала это название. Однако, в Венгрии действительно есть озеро *Kerektó* в пештском комитате.

Значительную роль в повести играет эргоним *Gyermekliga* («Приютская лига») — то место, куда обращаются потенциальные приёмные родители. Встречается и зооним *Marci* (Марци) — кличка кота. Следует отметить, что вообще *Marci* — антропоним, уменьшительно-ласкательное от мужского имени *Márton*.

4.2. Рассказы и новеллы.

Новеллу «Бедные люди» («*Szegény emberek*», 1916) можно считать одной из лучших антивоенных новелл венгерской литературы. Она проникнута глубокой симпатией писателя к обманутым венгерским трудящимся, в первую очередь крестьянам, вынужденным играть роль пушечного мяса во имя совершенно чуждых им интересов.

В такое маленькое по объёму произведение автор включает 19 имён собственных и дериватов, среди которых всего 6 топонимов: ошлавийское кладбище (*oslaviai temető*), поселения Шабац (*Sabác*), Колтов (*Koltov*), Луковице (*Lukovice*), Зизим (*Zizim*), а также ороним — горы Добердо (а

doberdói hegyek).

Удивительно, что Мориц не даёт имени своему главному герою. Ведь даже рассказывая о своих приключениях на фронте, молодой солдат называет каждого человека по имени и званию (лейтенант Шандорфи (hadnagy Sándorfi), лейтенант Ораш (hadnagy Órás), лейтенант Ротманн (Rottmann hadnagy), капитан Юрович (kapitány Jurovics)), хотя роль этих персонажей в новелле незначительна.

Вероятно, Мориц не даёт имени своему герою специально: таким образом он показывает судьбу не одного человека, а всех венгров в целом.

Очень интересным нам показался рассказ «Непонятно, что вы за люди» («Ami megérthetetlen»). Сюжет заключается в следующем: девочка из зажиточной семьи Валика (Valika) приглашает к себе в гости дочку бедняков Паннику (Pannika), которая даже не знает, как зовут её отца. И на этот вопрос отца Валики она отвечает просто: «Édesapám» («Папенька»), «Kend⁶» («Твоя милость»). Также и на вопрос о том, как зовут отца подруги, девочка отвечает «Ваше высокоблагородие» («Nagyságos úr»). Ребёнок считает, что это и есть их настоящие имена, потому что в её присутствии к ним только так и обращаются. То есть обычное имя нарицательное здесь уже переходит (в представлении героини) в некотором роде в имя собственное.

Итак, в предыдущих трёх главах на основе анализа ономастического материала произведений Морица мы показали, что мир имён собственных в романах, пьесах, повестях, рассказах и новеллах автора значителен и тщательно продуман, однако для не венгероязычной публики, читающей в переводе, нуждается в комментариях. Поэтому в следующей части нашей работы мы попытаемся осветить некоторые проблемы передачи венгерских имён собственных на русский язык.

⁶ Kend — сокращённое от Kegeyelmed (Твоя милость); старое обращение, подобное вежливому ön или maga.

Глава 5. Особенности передачи имён собственных на русский язык.

5.1. Некоторые проблемы передачи венгерских имён собственных на русский язык.

Лингвистами многократно предпринимались попытки систематизации норм передачи венгерских онимов на русский язык. В 1984 году Аттила Шальга писал, что в русской орфографии не урегулирована официально кириллическая транскрипция имён собственных и в переводных текстах наблюдаются большие различия в их написании [Шальга, 146]. Однако долгое время ориентировались, в частности и А. Шальга, на правила, разработанные Р.С. Гиляревским и В.А. Старостиным и включенные в справочник 1978 года [Гиляревский, Старостин, с. 72-82]. В 2005 году Д. И. Ермолович включил в свою работу (которая посвящена теории и практике межъязыковой передачи имён собственных) приложения с правилами практической передачи иноязычных имён с 26 языков, а среди них и с венгерского [Ермолович, с. 309–312]. А в 2006 году появляется справочник Р. А. Лидина, где автор предлагает правила передачи имён с 17 языков, в том числе и с венгерского [Лидин, с. 87–100].

Однако все эти работы в той их части, которая посвящена правилам передачи имён собственных с венгерского языка, не могут быть признаны во всём удовлетворительными, кроме того, есть ошибки в именах, приводимых в качестве примеров [Колпакова, 2012, с. 52].

Н. Н. Колпакова рассматривает такие спорные моменты, как передача венгерских мягких согласных, фиксируемых на письме диграфами *gy, ty, ny*, в русских эквивалентах осуществляется с мягким знаком перед гласным, вследствие чего следующий за ними гласный становится «дважды» йотированным, а ведь это не соответствует действительности и искажает звучание венгерских онимов [Колпакова, 2012, с. 36].

Действительно, имя *Gyula* должно передаваться на русский без дополнительного смягчения согласного (Дюла), т. е. вариант *Дьюла явно

искажает звуковую форму венгерского имени.

Очевидно, что в предлагаемых русских эквивалентах венгерских имён собственных нельзя пренебрегать буквой *ë*, заменяя её на *e*, ведь в таком случае русскоязычный читатель, незнакомый с венгерским языком, может абсолютно неправильно произнести слово [Колпакова, 2012, с. 37].

Венгерский [ö] или долгий [ó] передаются на письме на русский именно через букву *ë* (Dezső = Дежë, Jenő = Енë и т. д.). Исключением является лишь позиция звуков [ö] или [ó] в начале слова. Тогда они передаются на письме буквой *э* (Örkény = Эркень).

Также важно отметить, что, хотя традиция передачи венгерских [a] и [á] одной буквой *a* уже сформировалась, всё же, вероятно, это не совсем соответствует качеству этих звуков. Они качественно различны (например, имя András стоило бы транскрибировать в виде «Ондраш», а не «Андраш»; то же самое и с именем Tamás: целесообразнее было бы писать Томаш, а не *Тамаш).

5.2. Передача имён собственных на русский язык в произведениях Морица.

Переведенные на русский язык произведения Морица не составляют и двадцатой доли его огромного творческого наследия; им написано около тридцати романов, сорок драм, несколько сот рассказов.

Роман «Légy jó mindhalálig» — «Будь честным всегда».

И. Луговая и Н. Подземская перевели роман Морица «Légy jó mindhalálig» в 1981 году, когда в русской орфографии абсолютно не были ещё урегулированы нормы передачи венгерских имён. Таким образом, мы нашли следующие случаи, требующие отдельного комментария:

1. Фамилия Böszörményi передана как Бесермени, хотя нужно было бы по правилам передать её, используя букву *ë*: Бëсëрмени.
2. Для правильного звучания имени András в русском языке следовало бы писать не Андраш, а Ондраш.

3. Название населённого пункта Tarcal представляет некоторую сложность при передаче на русский язык. Дело в том, что венгерский *l* в конце слова передаётся на русский язык двумя способами: *ль* и *л*. И проблема здесь заключается в том, что оканчивающиеся на *ль* имена собственные склоняются иначе, чем заканчивающиеся на *л*. В анализируемом переводе романа мы находим вариант Тарцаль. Причём это слово не встречается в тексте в именительном падеже, только в предложном. А следовательно, можно подумать, что это не что иное, как существительное первого склонения женского рода **Тарцала*.
4. По какой-то причине одна и та же вывеска афиши «Fenygyerekek» переведена и как «Головорезы» в одном случае, и как «Удальцы» — в другом.
5. Дериват от имени Sándor, Sanyí, передан не как *Шани*, а как *Шаника*.
6. Интересно, что фамилия Törökék в одном случае передана абсолютно правильно: Тёрёки, а спустя некоторое время в романе словно появляется новый персонаж под фамилией Терек (Edelényi Török János — Янош Эделени Терек), хотя в венгерском варианте это всё та же фамилия Török.
7. Словосочетание *a Göröndi-porta* переведено как *имение Геренди*, хотя по правилам должно было бы быть Гёрёнди.
8. Названия улиц следует оставлять так, как это звучит в оригинале, т. е. просто транслитерировать их. Поэтому будет не Piac utca — Базарная улица, а улица Пиац; не Vasút utca — Железнодорожная улица, а улица Вашут.
9. В фамилии Takácsék есть как [a], так и [á]. Поэтому более целесообразным нам представляется передать это не через одну и ту же русскую *a*, а через *o* и *a*: Токачи вместо Такачи.
10. Правило передачи венгерских мягких согласных, фиксируемых на письме диграфами gy, ty, ny, то отражается в переводе, то нет. В первом

случае, когда идёт речь о венгерском короле, передано всё верно: Ласло Хуняди (Hunyadi László). Т. е. после мягкого пу не произошло дополнительного ненужного йотирования, в то время как при передаче имени Kiss Mátyás и без того мягкий согласный ещё раз смягчается: Матьяш.

Пьеса «Sáríbiró» — «Староста Шари».

Пьесу «Sáríbiró» перевела на русский язык Е. Бочарникова в последней трети XX века. Как мы отмечали выше, правила, рекомендации передачи венгерских имён собственных в то время ещё не были сформулированы (современные попытки тоже не во всём удовлетворяют). А следовательно, в переводе отмечаются некоторые неточности.

Например, фамилия персонажа Tokaji (Tokaji Ferkó) передана на русский язык без йотирования: **Токаи*, хотя по правилам орфоэпии следовало бы записать её как Токайи. То же самое мы видим и в случае передачи фамилии Csobají: вместо правильного Чобайи — **Чобаи*.

Как мы выяснили в третьей главе, Gügye происходит от венгерского глагола gügyög, что означает «лепетать, роптать». Да, в этом переводе Бочарниковой герой и получил имя Гнус. Остаётся загадкой, почему в списке действующих лиц его «обозвали» **Гюдье*. Ведь если бы это и была какое-то непереводимое имя собственное (не прозвище), то по всем правилам следовало бы записать его без йотации: Гюде.

Снова мы сталкиваемся с неправильной передачей фамилии Tögök: вместо правильного Тёрёк переводчица даёт **Терек*.

Пьеса «Úri muri» — «Господский пир».

Пьеса переведена А. Грешковичем в 1969 году. Неудивительно, что и здесь мы найдём много спорных вопросов при передаче онимов.

Так, конечный звук [l] в имени Ábel (персонаж Zsellei Balogh Ábel) передан на русский через буквенное сочетание *ль*: Абель. Конечно, прочитав ремарку, читатель поймёт, что это мужское имя, которое в данном случае

носит полковник в отставке. Тот же самый случай мы наблюдаем и при передаче имени Kornél: вместо Корнела с твёрдым [l] мы получаем имя **Корнель*.

Фамилии Csörgő и Ködmön, подобно фамилии Tögök, переданы через [e]: **Черге* и **Кедмен* вместо правильного Чёргё и Кёдмён. (В то время как хороним Alföld передан по всем правилам — Альфёльд (если учесть, что передать звук [l], находящегося в позиции перед согласным, можно двумя способами — с помощью *ль* или *л*).

Подёнщик по фамилии Széplegény в переводе получился **Сейплегинь* вместо Сеплегень.

Целесообразней было бы передать название города Nagyvárad не **Надьварад*, а Нодьварод, поскольку буквы венгерского алфавита а и á на письме выражают разные звуки.

Szakhmáry Gerzson при передаче на русский язык теряет в переводе начальный звонкий [g], а также теряет звук [zs], который переходит в [z]: получается не Гержон, а **Керзон*.

В русском варианте фамилии Lefkovics звук [f] получает озвончение: вместо Лэфкович в переводе указан **Левкович* (на русский манер).

Стоит отметить, что в переводе этой пьесы (в отличие от разобранных нами выше произведений) имя Mátyás передано абсолютно адекватно: Матяш.

Однако уменьшительно-ласкательное от имени Lajos, Laji, в русском переводе получило такое написание: **Лайко* вместо Лайи.

Таким образом, мы видим, что передача венгерских имён собственных требует особого внимания: не зная правил венгерской орфоэпии и орфографии, можно легко запутать читателя.

Заключение

В процессе работы над материалом мы выполнили все поставленные перед собой задачи, что позволяет сделать ряд выводов.

Методом сплошной выборки были собраны имена собственные и их дериваты из наиболее известных произведений Морица — романов «Légy jó minhalálig» и «Rokonok», пьес «Sáribíró», «Ludas Matyi» и «Úri muri», повестей «Nem élhetek muzsikaszó nélkül» и «Árvácska», а также новеллы «Szegény emberek» и рассказа «Ami megérthetetlen». В нашем списке оказалось 811 онимов и их дериватов (в романах «Légy jó minhalálig» и «Rokonok» — 298 и 176 единиц соответственно; в пьесах «Sáribíró», «Ludas Matyi» и «Úri muri» — 60, 37 и 85; в повестях «Nem élhetek muzsikaszó nélkül» и «Árvácska» 64 ономастические единицы и 69 имён собственных и дериватов, в новелле «Szegény emberek» — 19, а в рассказе «Ami megérthetetlen» мы нашли всего 3 единицы). Для наглядности мы составили следующую таблицу:

Название произведения	Количество онимов
«Légy jó minhalálig»	298
«Rokonok»	176
«Sáribíró»	60
«Ludas Matyi»	37
«Úri muri»	85
«Nem élhetek muzsikaszó nélkül»	64
«Árvácska»	69
«Szegény emberek»	19
«Ami megérthetetlen»	3
Итого:	811

Далее мы распределили собранный по каждому анализируемому произведению материал по классам онимов (антропонимы, топонимы,

зоонимы и эргонимы); причём в разделе «топонимы» мы рассмотрели такие подгруппы, как ойконимы, гидронимы, оронимы, урбанонимы, годонимы, хоронимы и аргонимы. Кроме того, мы отдельно рассмотрели такое явление, как прецедентность. Полученные результаты мы излагаем ниже.

В романе «Légy jó minhalálig» насчитывается 298 имён собственных и дериватов. Среди 150 антропонимов — 27 прецедентных имён (здесь встречаются как известные широкому кругу лиц Ovidius (Овидий), Vergilius (Вергилий), Bíborbanszületett Konstantinos (Константин Багрянородный), Konstantinos Porphyrogenétosz (Константин Порфирогенет), так и требующие обязательного комментария, например, Munkácsy (Михай Мункачи — художник реалистического направления), Zichy Mihály (Михай Зичи — художник, много работавший в России) и Csokonai-Vitéz Mihály (Михай Чоконאי-Витез — поэт)). Среди 90 топонимов имеются гидронимы (а Tisza (Тиса), а Balaton (Балатон)), ойконимы ((Дебрецен), Budapest (Будапешт), Pozsony (Пожонь)), микротопонимы (Patak (Патак), Tarcal (Тарцал)), хоронимы (например, Szatmár megye (Сатмарский комитат), Magyarország (Венгрия), Hortobágy (Хортобадьская степь), Pannónia (Паннония)). Кроме того, в этом романе достаточно много примеров онимов таких классов, которые встречаются в произведениях (если это не обусловлено сюжетом) достаточно редко. Например, оронимы а Kárpátok (Карпаты), Kaukázus (Кавказ) и az Altaji hegyek (Алтайские горы).

В романе «Rokonok» насчитывается 176 имён собственных и дериватов — намного меньше, чем в предыдущем разобранным романе, несмотря на то, что можно было предположить обратное, ведь название «Родственники» подразумевает большое количество онимов. Среди 107 антропонимов в романе упомянуто 10 прецедентных имён (например, Kossuth Lajos (Лайош Кошут), а Habsburgok (Габсбурги), Lionárdó de Vincsi (Леонардо да Винчи)), а среди 33 топонимов нам также встретились годонимы (например, Wesselényi utca (улица Вешшелени) и Szent Margit utca (улица Сент Маргит)),

ойконимы (Rimaszombat (Римасомбат), Podolin (Подолин)), и микропонимы (Madas (Мадаш), Kishegyes (Кишхедеш), Lekejtó (Лекейто)).

В пьесе «Sáríbiró» мы насчитали 60 имён собственных и дериватов. Среди 52 антропонимов есть 6 говорящих имён (например, возникают три забавных Ковача: Felsőkovács (Фельшековач), Alsókovács (Альшековач), Vakkovács (Вакковач), что в буквальном переводе означает Верхний, Нижний и Слепой Ковач), а среди 5 топонимов обращает на себя внимание интересный микропоним Kinizs, который есть только в крестьянской речи (на самом деле это два села — Nagy и Kis Kinizs — Большой и Малый Киниж). Мориц знал об этом, поскольку долге время путешествовал по провинции, и записал название этого села в таком виде, поскольку, вероятно, хотел более достоверно передать речь персонажей.

В пьесе «Ludas Matyi» относительно немного онимов и дериватов — всего 11 антропонимов, 23 топонима и 2 деривата от ойконимов. Тем не менее, в этом произведении нам встретился случай имитации речи иностранца: герой на основе некоторых своих знаний итальянского, а скорее всего, на основе фраз, которые он мог услышать ранее, буквально «создаёт» новые ономастические единицы — Грецию он называет вместо Görögország (венг.) или Grecia (ит.) новым, выдуманным словом: Grázia.

В пьесе «Úri miúí» в сумме 85 имён собственных и дериватов. Среди 60 антропонимов есть 13 прецедентных имён (в одном случае, известные читателю — такие, как, например, Mária Terézia (Мария Терезия), (Mária Luíza (Мария-Луиза), а в другом случае, требующие определённого комментария: Tisza Kálmán (Кальман Тиса), Gróf Karaffa (граф Караффа)), а среди 15 топонимов нам встретились гидронимы, ойконимы, микропонимы и хоронимы. Также в пьесе упоминаются 6 эргонимов, т. е. названий союзов, организаций и т. д.: Takaréék (Ссудный банк), Juhtartó Társaság (Общество овцеводов), Pannonia (Паннония, заведение), Orfeum («Орфеум», кабаре), Nagyvendégló étterme (Столовый зал); Vásárhelyi Takaréék (Вашархейский

банк).

В повести «Nem élhetek muzsikaszó nélkül», включающей в себя 64 единицы имён собственных, две трети от общего объёма онимов занимают антропонимы, а среди топонимов «лидирует» класс микротопонимов: имеется большое количество населённых пунктов, например, Bodony (Бодонь), Brassó (Брашшо), Bény (Бень), Csergető tanya (хутор Чергетё) и др.

В повести «Árvácska» 69 единиц имён собственных и дериватов. Среди антропонимов 7 говорящих имён (Piszkok и Piszokné (господин и госпожа Писок, букв.: г-н и г-жа Грязные, Скверные), Pösze (от pösze — «шепелявый»)).

В новелле «Szegény emberek» и рассказе «Ami megérthetetlen», несмотря на их небольшой объём, Мориц оставил место множеству имён собственных. И в новелле, и в рассказе, однако, у главных героев нет имени. И в том, и в другом случае, Мориц, вероятно, хотел показать этим судьбу не только своего персонажа, но и всего венгерского народа, угнетённого и подавленного.

Наше исследование включает также анализ особенностей передачи имён собственных на русский язык (на примере перевода четырьмя переводчиками трёх произведений Морица — романа «Légy jó mindhalálig» и пьес «Sáríbiró» и «Úri muri»). Как мы показали, проблема правильной передачи имен на русский язык весьма актуальна, а правила передачи венгерских имен собственных на русский язык до сих пор не получили удовлетворительной во всех отношениях разработки. Мы обнаружили несколько ошибок, которых удалось бы избежать, если бы переводчики принимали во внимание мнение специалистов (лингвистов, литературоведов, коллег-переводчиков), работающих непосредственно с венгерским языком. Ведь в стремлении к единообразию следует помнить о необходимости учитывать фонологические, орфографические и орфоэпические особенности венгерского языка.

Таким образом, безусловно, изучение проблем венгерской ономастики, а также вопросов передачи венгерских онимов на русский язык требует особого внимания. Практически к каждому прецедентному имени, встречающемуся в тексте, было бы целесообразно давать примечание, для того чтобы русский читатель мог понять, о каком человеке/событии идёт речь, какую роль они сыграли в истории страны. В противном случае читатель не сможет уловить ни оттенков иронии, ни дополнительных, глубинных смыслов, ни симпатии или антипатии автора к своим героям, а значит, не сможет и полностью понять произведение.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование особенностей венгерских имен собственных на межъязыковом уровне требует пристального внимания. Проблемы, возникающие в этой области, ждут своего решения. Как нам кажется, было бы весьма полезным приступить к созданию двуязычного толкового словаря венгерских имен собственных. Такое пособие помогло бы русскоязычному читателю глубже понять венгерскую культуру, ближе познакомиться с историей венгерского народа, а также способствовало бы разработке норм передачи венгерских имен собственных на русский язык. Результаты выполненного нами исследования и применяемая методика работы с ономастическим материалом могут быть полезны при создании такого словаря.

Список научной литературы.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 2–5.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1970. С. 20.
3. Гиляревский Р. С., Старостин В. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М.: Изд-во "Международные отношения", 1978. с. 72–82.
4. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 124.
5. Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 4. С. 106–111.
6. Ермолович Д. И. Имена собственные: Теория и практика межъязыковой передачи. М., 2005. С. 300, 309–312.
7. Зеленский А. Л. Теория немецкого языкознания: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / А. Л. Зеленский, О. В. Новожилова. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 129.
8. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М., 1996. С. 230.
9. Колпакова Н. Н. Венгерские имена собственные в русском тексте // Материалы XLI Международной филологической конференции 26–31 марта 2012 г. Уралистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 36–37.
10. Колпакова Н. Н. К проблеме передачи венгерских имён собственных на русский язык // Вопросы финно-угорской филологии: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, Изд-во Сыктывкарского

- госуниверситета, 2012. Выпуск 3 (8). С. 52.
11. Кузнецова В. И. Фонетические основы передачи английских имен собственных на русском языке. М.: УЧПЕДГИЗ, 1960. С. 5–11.
 12. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988. С. 103.
 13. Ларина, Т. И. Феномен ономастического тропа в русском, польском и английском языках (на материале современной публицистики) 2009. С. 70–74.
 14. Лидин Р. А. Иностранные фамилии и личные имена: Практика транскрипции на русский язык: справочник. М.: Толмач, 2006. С. 87–100.
 15. Липпай И. Жигмонд Мориц. Пьесы. Москва: Искусство, 1962. С. 9
 16. Милль Дж. Система логики символической и индуктивной. М.: Леман, 1914. С. 27.
 17. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 115, 169–170.
 18. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 81–82.
 19. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. М.: Советская энциклопедия, 1966. 385 с.
 20. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 97–104.
 21. Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. Лекции по спецкурсу / В. Н. Прохорова. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980. С. 56.
 22. Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1965. С. 5.
 23. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен: Dictionary of personal English names. 4000 имен. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1989. С. 8.

24. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. 3-е изд., испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 144–145, 165–170.
25. Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. С. 45–50.
26. Уфимцева А. А. Лексическая номинация. М.: Наука, 1977. С. 82.
27. Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка. Будапешт, 1984. С. 146.
28. Adolf Bach. Deutsche Namenkunde. Band 1: Die deutschen Personennamen. Teil 1: Einleitung. Zur Laut — und Formenlehre, Wortfügung, — bildung und — bedeutung der deutschen Personennamen. 3. Edition, 1978 (3., unveränderte Auflage). Heidelberg, Universitätsverlag WINTER, 1978.
29. Bakos J. Gárdonyi és a nevek. Magyar Nyelvőr 98. 1979. С. 424–439.
30. Bárczi G. Elnöli megnyitó az I. Névtudományi Konferencián. In: Mikessy Sándor (szerk.): Névtudományi Vizsgálatok. Budapest: Akadémiai, 1960. С. 5–16.
31. Bodor Á. A börtön szaga. Válaszok Balla Szófia kérdéseire. Egy korábbi rádiointerjú változata. Budapest: Magvető, 2001. С. 10–11
32. Debus F. Dichter iiber Namen // Onomastica Slavogermanica XXIII / Hrsg. von E. Eichler und H. Walther. Stuttgart; Leipzig, 1998.
33. Debus F. Namen in literarischen Werken: (Er)Findung — Form — Funktion. Mainz; Stuttgart: Steiner, 2002. С. 136–137.
34. Fábri Z. Móricz Zsigmond és kora. Budapest: Irodalomtörténet, 1959. С. 173.
35. Gardiner A. H. The Theory of Proper Names: A Controversial Essay. London: Oxford Univ. Press, 1954. С. 73.
36. Hillebrandt B. Theorie des Romans. Muenchen, 1972.
37. Horváth M. Sárszeg. Adalékok az írói (irodalmi) helynévadáshoz. Magyar

- Nyelvőr 83. 1959. C. 423–428.
38. Király I. Ady Endre. II. Budapest, 1970. C. 775–783.
39. Kovács É. Személyek és nevek korai Csáth-novellákban. Budapest: MnyTK. C. 300–303.
40. Kovács D. Az írói névadás néhány sajátossága Móricz műveiben. Névtani Értesítő 8. 1983. C. 65–72.
41. Móricz V. Apám regénye. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1954. C. 119–120.
42. Nagy M. Mikszát írói névadása. Irodalomtörténeti Közlemények 91–92. 1987–1988. C. 449–454.
43. Osztrólczy S. Név és metafora Závada Pál Jadviga párnája című regényében. Szó — elbeszelés — metafora. Kijárat, Budapest. 2003.
44. Simon M. Móricz Zsigmond: Árvácska és Pillangó. In: Hajdú Mihály (szerk.): Dolgozatok az írói névadásról 1. MND. 93. 1991. C. 73–75.
45. J. Soltész K. A tulajdonnév funkciója és jelentése. Budapest: Akadémiai, 1979. C. 168.
46. Šrámek R. Beiträge zur allgemeinen Namentheorie / Rudolf Šrámek; hrsg. von Ernst Hansack. Wien: Praesens-Verl., 2007. C. 17.
47. Sudár I. Rejtő Jenő humora a nevekben. In: Hajdú Mihály (szerk.): Dolgozatok az írói névadásról 1. MND. 93. 1991. C. 96–100.
48. Vandendorpe C. Quelques considérations sur le nom propre // Language et société. 1993. № 66. C. 64.
49. Debreceni egyetem: Magyar Nyelvtudományi tanszék. URL: <http://mnytud.arts.unideb.hu/index2.php>. (дата обращения: 27.05.2017).

Список источников.

1. Мориц Ж. Будь честным всегда. М.: Изд-во Детская литература, 1981. 282 с.
2. Мориц Ж. Господский пир: Пьеса в 6 карт. / Пер. с венг. Ал. Гершковича. М.: ВУОАП, 1969. 90 с.
3. Мориц Ж. Избранное. Пер. С венг. / Сост. Е. Умняковой. М.: Художественная литература, 1986. 526 с.
4. Мориц Ж. Пьесы./ Перевод с венгерского.// Под ред. И. Гракова. М.: Искусство, 1962. 513 с.
5. Móricz Zs. Árvácska. Budapest: Szépirodalmi könyvkiadó, 1956. 192 с.
6. Móricz Zs. Nem élhetek muzsikaszó nélkül / Kivilágos kivirradtig. Budapest: Szöbetkezeti Kiskönyvtár, 1957. 256 с.
7. Móricz Zs. Rokonok I–II. Budapest: Szépirodalmi könyvkiadó, 1967. 297 с.
8. Móricz Zs. Sáribíró // KIAD.HU: Digitális Klasszika. A 18–19. századi magyar irodalom adatbázisa. URL: https://library.hungaricana.hu/hu/view/SZAK_SZIN_Szindarabok_Q_19637/?pg=0&layout=s (дата обращения: 04.03.2017).
9. Móricz Zs. Úri muri // Mek.OSZK.HU: Magyar elektronikus könyvtár. URL: <http://mek.oszk.hu/01400/01438/index.phtml> (дата обращения: 10.03.2017).
10. Móricz Zs. Légy jó mindhalálig // Mek.OSZK.HU: Magyar elektronikus könyvtár. URL: <http://mek.oszk.hu/15400/15426/index.phtml> (дата обращения: 12.04.2017).
11. Móricz Zs. Magyarok // Mek.OSZK.HU: Magyar elektronikus könyvtár. URL: <http://mek.oszk.hu/11400/11429/index.phtml> (дата обращения: 27.04.2017).